

Мар Анна

Тебе единому согрешила

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А68

А68 **Анна М.**
Тебе единому согрешила: Роман / Мар Анна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 110 с.

ISBN 978-5-519-95361-0

ISBN 978-5-519-95361-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

На десертъ принесли незрѣлые персики. Какъ, опять то же самое? А гдѣ же обѣщанный пломбиръ? Мужчины стучали ножами по бокаламъ, дамы улыбались. Требовали м-мъ Гоншэ изъ кухни. Несмотря на ея запрещеніе, кто-то поднялъ шторы и раскрылъ окна, выходящія на rue Mont-Blanc. Донеслась безвкусная швейцарская музыка. Мимо маршировалъ одинъ изъ отрядовъ какой-то корпораціи съ флагами и барабаномъ, сопровождаемый мальчишками. Публика останавливалась и улыбалась.

Всѣ бросились изъ-за стола. Только Мечка Беняшъ и элегантная француженка пожали плечами.

— Поминутно юдно и то же... Это смѣшно, наконецъ,—пробормотала парижанка, спокойно очищая персикъ.

Изъ кухни явилась м-мъ Гоншэ, багровая отъ плиты и ярости. Ея черное шелковое платье, слишкомъ узкое и въ пятнахъ, пропахло соусами и супами. Она двусмысленно пошутила съ комми-вожатеромъ. Это очень понравилось. Къ ней потянулись чокаться. Милая, очаровательная м-мъ Гоншэ. Всѣ рѣшили, что она кормить необыкновенно хорошо.

Она обратилась къ блѣдной Мечкѣ:

— Я видѣла васъ вчера въ Notre Dame de Pâquis... нѣли дивно... не правда ли?

— Вы бываете въ костелѣ?—удивилась француженка,—но это смѣшно.

Комми-вояжеръ возился съ зубочисткой, стараясь подавить икоту.

— Въ костелъ ходятъ только старики, дѣти и истерички,—заявилъ онъ.

Молодая бельгійка, носившая въ ушахъ поддѣльные жемчуга, громко разсмѣялась. Она ждала отвѣта Мечки и, забывшись, положила на скатерть свои крупные красныя руки. Ея маленькая дочь серьезно слушала споръ. Мечка не сказала ни слова. Комми-вояжеръ бранилъ духовенство. М-мъ Гоншэ находила, что безъ религіи нравы были бы черезчуръ распущены. Француженка жаловалась на лицемѣріе во Франціи.

— Ну... ну...—примирительно вмѣшалась бельгійка,—безъ Бога не будетъ удачи... Идемъ домой, Силли...

Она потащила малютку-дочь за руку, какъ куклу, гордо выпячивая пышную грудь.

Теперь въ столовой остались Мечка и м-мъ Гоншэ. Мечку охватила болѣзненная лѣнь. Она машинально перебирала концы своей траурной вуали. Двѣ горничныя въ высокихъ бѣлыхъ чепцахъ уносили посуду. М-мъ Гоншэ перестала улыбаться, закрыла окна и приводила въ порядокъ букеты тюльпановъ.

— Дамы растаскиваютъ цвѣты,—жаловалась она,—ахъ, Боже мой, я до сихъ поръ не сдала комнату... Я хотѣла бы найти иностранку безъ профессіи. Увѣряю васъ, онѣ—единственныя, которыя еще могутъ платить.

И бросая любопытный взглядъ на изящный костюмъ Мечки:

— Вы—такая милая, скромная... я была бы счастлива...

— О... У меня нѣтъ средствъ для вашей квартиры, м-мъ Гоншэ, и потому я всегда предпочитаю отель...

Швейцарка согласилась. Она сказала нѣсколько сочувственныхъ словъ по поводу траура Мечки.

Молодая вдова... Второй годъ... О, это несчастіе! Хорошо еще, что м-мъ не имѣла дѣтей. Что же касается ея туберкулеза, то кто теперь не боленъ туберкулезомъ. И, наконецъ, всѣ доктора мошенники и имъ не слѣдуетъ вѣрить.

Снова на улицѣ играла музыка. Изъ коридора доносились пронзительные голоса прислуги.

Спускаясь по лѣстницѣ, Мечка держалась за перила, боясь головокруженія. Для яркой весенней улицы она была слишкомъ печальна. Ея тонкое, правильное, очень блѣдное лицо освѣщалось безнадежно-усталыми синими глазами. Волосы, свѣтло-золотистые у висковъ, къ затылку переходили въ пламя. Пряди ихъ были тонки, мягки и плоски. Вѣтеръ вздымалъ ея крепъ. Она подолгу останавливалась у витринъ. Нитка громадныхъ аметистовъ восхитила ее, а цвѣты за стекломъ привели въ мечтательное настроеніе.

Около Роны она тоже задержалась дольше, чѣмъ нужно.

На островѣ Руссо въ грязной водѣ кормили грязныхъ лебедей. Она напрасно хотѣла найти ихъ поэтичными.

Мечка вспомнила хвастливаго, тщеславнаго и фальшиваго философа, котораго ненавидѣла. Его «Новая Элоиза» казалась ей кошунствомъ передъ истинной великой Элоизой.

Медленно Мечка свернула къ главной почтѣ, гдѣ выдавали письма до востребованія. Здѣсь она присѣла на одну изъ скамей, дожидаясь очереди. За рѣ-

шеткой мелькали чиновники. Они перебрасывались между собою словами, улыбками, жестами, равнодушные къ публикѣ, механически-точные. Одинъ изъ нихъ, самый молодой, бѣлокурый, голубоглазый, краснѣлъ при видѣ Мечки.

Она спросила его какъ-то:

— Ваше имя, м-сье?

— Жанъ Біоро, м-мъ.

Ей стало грустно отъ его растерянной улыбки. Развѣ можно полюбить съ перваго бѣглаго взгляда? Она думала, что это ужасно, и бѣлокурый чиновникъ смущалъ ее въ свою очередь.

Сейчасъ она замѣтила ксендза Игнатія Рафалко и Костю Юраша. Первый былъ настоятелемъ въ Н-скѣ, гдѣ постоянно жила Мечка, второй—тамъ же ученикомъ музыкальнаго училища.

Съ ксендзомъ Игнатіемъ у Мечки вышла зимою маленькая размолвка, когда онъ набралъ всякую шушеру въ костельный хоръ, и когда эти размалеванные дѣвки шумѣли даже во время освященія Даровъ. Съ тѣхъ поръ у нихъ были натянутыя отношенія. Кроме того, онъ не внушалъ ей ни малѣйшаго довѣрія, этотъ худой, малаго роста ксендзъ съ негритянскими губами, черствый, лживый и замкнутый. Онъ казался ей опаснымъ человѣкомъ для религіи, способнымъ оттолкнуть отъ костела самага терпѣливаго неофита. Его живые, циничные глаза мѣнялись,—то были совсѣмъ черные, то желтые, искрящіеся, какъ пиво. Пѣлъ онъ мессу гнусавя, причемъ голова, плечи и все тѣло нервно подергивалось.

«Бѣдняга скрытно развратенъ,—равнодушно подумала Мечка,—но онъ все-таки пойдетъ далеко, ибо лебезитъ передъ епископомъ. И еще то хорошо, что

онъ пресмыкается передъ богатыми, сидитъ всегда дома, а передъ викарными ходитъ съ молитвенникомъ».

И она продолжала размышлять, глядя на кончики своихъ туфель:

«Я близка къ религіозности. Если бы я знала, что ксендзы Игнатій рѣже встрѣчаются, дѣло моего обращенія пошло бы скорѣе. О, разумѣется! Но эти жалкіе комедіанты убиваютъ вѣру въ зародышѣ и дѣлаютъ смѣшной даже тоску по ней».

Ксендзъ Игнатій и Юрашъ подошли ближе. Они поздоровались и обмѣнялись обычными любезностями, жалуюсь на пыль и скуку Женевы.

Костя Юрашъ кокетливо обмахивался шляпой. Онъ былъ высокъ, широкоплечъ, гибокъ. Его темные, красивые глаза смотрѣли ласково и распутно. Онъ грубо подвелъ брови, рѣсницы и напудрился.

Ксендзъ Игнатій часто обращался къ Юрашу.

На мигъ Мечку поразила его интонація, сладкая до приторности и заискивающая. Они поговорили о новостяхъ своего города. Оказалось, что съ осени при костелѣ въ Польскомъ Домѣ откроется театръ «Синій топазъ».

— «Синій топазъ»?—удивилась Мечка,—но, значитъ, это не театръ, а кабарэ.

— Да, разумѣется, кабарэ,—слегка смутился ксендзъ Рафалко.

— Маленькій балаганчикъ, который прогоритъ черезъ мѣсяцъ,—насмѣшливо заявилъ Юрашъ,—сборъ хулигановъ... Впрочемъ, антрепренеръ Ружинскій—мой другъ.

— Вы очень строги,—вкрадчиво возразилъ ксендзъ Игнатій,—тамъ есть милые люди...

Мечка была внѣ себя отъ изумленія. Кабарэ... Русское кабарэ при костелѣ.

— Какъ вы могли разрѣшить?—возмущенно воскликнула она.

Ксендзъ Игнатій встрепенулся. Это не онъ... костельный совѣтъ... синдики... Впрочемъ, онъ лично также находитъ, что кабарэ нужно покровительствовать. Кабарэ заплатитъ хорошую аренду Польскому Дому, на которомъ долги.

И, обидѣвшись, настоятель распрощался.

Біоро смущенно поклонился Мечкѣ. Кто-то сказалъ громко:

— Courage, mon ami!

Онъ выдалъ письмо Мечкѣ. Оно было отъ поэта Улинга, собиравшагося стать знаменитостью, и начиналось такъ: «Я пріобщился къ тайнамъ міра знакомствомъ съ вами. Я жду васъ нетерпѣливо и страстно».

Далѣе поэтъ писалъ въ свою очередь о кабарэ «Синій топазъ». Пусть только Мечка скорѣе возвращается въ Н-скъ, дѣло ей найдется.

Около озера Мечка взяла экипажъ и поѣхала къ Chemin de la Rosegaïs, мимо кокетливыхъ виллъ, съ не менѣе кокетливыми названіями: Lora, Mon doux герос, Lilas bleu.

Усталые глаза отдыхали на зелени, на голубомъ акварельномъ небѣ, на красныхъ черепичныхъ крышахъ. Съ верандъ, увитыхъ дикимъ виноградомъ и мелкими яркими розами, смотрѣли женщины и дѣти. Встрѣтились двѣ монахини въ голубыхъ одеждахъ съ бѣлыми головными уборами, какъ двѣ гигантскія трепещущія бабочки.

Каждые четверть часа костельные куранты медленно пѣли и направо и налѣво, и тамъ за виллою, и еще

гдѣ-то. Но это только такъ казалось. Куранты были на костелѣ св. Антонія.

Мечку охватила истома. Она откинула крепь, съ наслажденіемъ подставляя лицо упругому вѣтру. Если бы взять жизнь, какъ одно празднество... если бы жить легко и просто.

«Въ сущности, я не христіанка,—думала Мечка,—одинъ умный ксендзъ назвалъ меня сектанткой несуществующей секты... Я вѣрю въ Бога, но не вѣрю въ загробную жизнь. Даже блѣдная надежда на вѣчность возмущаетъ меня. Смерть безъ воскресенія, по-моему—высшая награда для человѣка. А догматъ Троицы? А сходство христіанства съ иными религіями? А таинство брака? Бракъ, какъ таинство, я отрицаю особенно рѣшительно. Я не вижу ничего мистическаго въ физическомъ сближеніи половъ».

Потомъ въ ней поднялись возраженія.

«Ахъ, все это можно внушить себѣ! И таинства, и догматы, и обряды, и подлинность Евангелія, и достоинство экстазовъ св. Терезы. Да, конечно внушить. Привычка станетъ убѣжденіемъ. А главное, это то, что она жаждетъ вѣрить, жаждетъ быть настоящей католичкой».

Иронія вагорѣлась у нея въ глазахъ.

«Хочу душевнаго комфорта, что же».

Экипажъ катился все быстрѣе по узкой аллеѣ, убитой щебнемъ и краснымъ пескомъ. Густой ароматъ сирени здѣсь былъ особенно явственнымъ. Солнце, вѣтеръ, мельканіе виллъ и людей уже утомляли Мечку. Она ѣхала дальше, часто кашляя, думая о своемъ тяготѣніи къ католицизму и слегка возмущаясь противъ него. Разумѣется, это душевная неудовлетворенность, неудачи супружеской жизни, страданія тѣла заставляли

ее искать утѣшенія въ мистицизмѣ. А, можетъ быть, потушенная чувственность загоралась въ иномъ видѣ. Теперь было модно смѣшивать религію съ пѣломъ... почему она знала?.. Да и была ли она, Мечка, мистичной? Вѣдь все дѣло шло о красотѣ. Красота католичества покоряла ее. Католичество было не только религіей, но и искусствомъ, утонченнымъ порывомъ въ ютвлеченность. Пища для души здѣсь изысканна, легка и ароматна. Наслажденія души—упоительно разнообразны. Католичество носило вѣнецъ мученичества. Католическая церковь, истинная невѣста Иисуса, была вѣчно распятой, вѣчно преданной. Ватиканъ горѣлъ единственной звѣздой на фонѣ темной повседневности, вѣрный девизу геніальнаго папы Льва XIII *Lumen in coelo*. Ахъ, эти слова, будто выкованныя изъ золота и драгоценныхъ камней! Уже за одно папство, за великое, блистательное, изумительное папство Мечка фанатически любила римскую церковь.

— Если христіанство — то католичество, — рѣшила Мечка.

Губы у нея запылали и глаза расширились. Смертельно блѣдная, она мечтала о голосѣ, который поетъ въ *Notre-Dame de Râquis*, и потомъ снится ей.

Экипажъ крупной рысю вернулся къ отелю, гдѣ жила Мечка. М-сье Жоржъ, молодой лакей, неспѣша поднялся со стула.

— А... М-мъ вернулась?

Онъ смотрѣлъ на нее весело и нагло.

Она молча прошла мимо.

— Ба!

М-сье Жоржъ пожалъ плечами.

По утрамъ Мечка всегда бывала дома. Она любила

шоколадъ, медленно одѣвалась, читала газеты, отвѣчала на письма. Слабый румянецъ окрашивалъ ее лицо. После завтрака она съ наслажденіемъ бродила по улицамъ, часто злоупотребляя разстояніемъ, не обращая вниманія на погоду, наблюдая равно и людей, и животныхъ, и небо, и горы, и сады, и витрины, и воду озера.

У Роны она могла простоять часами.

Потомъ у м-мъ Гоншэ за table d'hôte'омъ она находила забавное зрѣлище людей различныхъ профессій, смѣнявшихся безпрестанно. Она замѣтила, что и тутъ мужчины оказывались интереснѣе женщинъ.

Потомъ наступалъ часъ, когда въ какомъ-то экстазѣ она обходила всѣ костелы. Изъ нихъ костелъ *Священнаго Сердца Іисуса*, густого, краснаго тона, немного странный, немного жуткій, производилъ на Мечку огромное впечатлѣніе. Notre Dame de Râquis былъ баналенъ, скорѣе похожъ на концертную залу, пріютившійся среди домовъ, какъ часовня. Но тутъ чудесно пѣли и здѣсь часто служилъ епископъ. Здѣсь же она видѣла свою любимую церемонію—торжество перваго причастія дѣтей. Она осталась недовольной. По ея мнѣнію, оно протекло черезчуръ заученно. Воздушныя бѣлыя вуали, воздушныя бѣлыя платья, бѣлые цвѣты причастницъ придавали имъ видъ новобрачныхъ. Онѣ чинно и красиво складывали свои руки, оплетая пальцы нитями четокъ. Маленькіе джентльмены громко повторяли «Отче нашъ» за аббатомъ, постукивающимъ легонько по молитвеннику. Красное одѣяніе епископа отгѣняло слоновый цвѣтъ его кожи. Какая-то молодая мать протискалась къ нему и высоко подняла ребенка. Епископъ благословилъ его отдѣльно. Это растрогало всѣхъ.

Ежедневно Мечка шла по rue Servette къ костелу св. Антонія Падуанскаго, хотя не совсѣмъ долюбивала этого знаменитаго святого, которому молятся объ утерянномъ и который кажется приторнымъ съ Младенцемъ, книгой и лиліей. На нее смотрѣли изъ маленькихъ магазинчиковъ. Потомъ ей стали ласково кланяться.

За костельной оградой обыкновенно рѣзвились дѣти. Молодой болѣзненный аббатъ устало слѣдилъ за ними. Ихъ водили и на всѣ службы. Они роняли молитвенники, платки, четки, шептались, толкались, смѣялись и отвлекали взрослыхъ.

Иногда какая-нибудь старая дама вставала и дергала ребенка съ громкимъ негодованіемъ. Тогда на эту сцену смотрѣли неодобрительно вѣрные и даже аббатъ. Что могли понимать маленькія, розовыя, счастливыя животныя около алтарей, залитыхъ слезами?

Ни въ одномъ женевскомъ костелѣ не было столько свѣта и цвѣтовъ, какъ у св. Антонія. Ароматъ чувствовался еще у двери. Въ притворѣ Мадонны *Непорочное Зачатіе* расцвѣлъ цѣлый садъ. Св. Антонію также не приходилось завидовать. Около него розы мѣшались съ тюльпанами, лиліи съ ирисами, азалии съ сиренью. Цѣлыя охапки жасмина увядали съ вѣтками шиповника. Огромные рододендры затемняли скромныя мирты. Здѣсь всегда горѣли свѣчи, невинныя жертвы молящихся.

Старая сакристіанша выдавала ихъ бережно изъ свѣтлаго шкапчика, бормоча:

— Que Dieu vous bénisse, mon cher enfant!

Вечерня шла днемъ и поэтому для Мечки теряла половину своей прелести. Кромѣ того, латинскій языкъ, чудесный языкъ папъ, Θомы Аквината и Альфонса